

П. Абеляр

История моих бедствий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П11 **П. Абеляр**
История моих бедствий / П. Абеляр – М.: Книга по Требованию, 2016. –
58 с.

ISBN 978-5-519-49592-9

Вниманию читателей предлагается полное трагизма автобиографическое сочинение известного французского философа Пьера Абеляра – «История моих бедствий». Из этого жизнеописания читатель узнает сколь труден и тернист был путь этого великого человека, сколько душевных и физических страданий ему пришлось перенести на жизненном пути. Это история большой любви — любви на всю жизнь к прекрасной Элоизе. Это история великого духовного труда и великого смирения!

ISBN 978-5-519-49592-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© П. Абеляр, 2016

Пьер Абеляр

История моих бедствий

Москва
2016

УДК 82
ББК 87
А14

Абеляр, П.
А14 История моих бедствий / П. Абеляр. — М.: Книга по Требованию, 2016. — 58 с.

ISBN 978-5-519-49592-9

Вниманию читателей предлагается полное трагизма автобиографическое сочинение известного французского философа Пьера Абеляра – «История моих бедствий». Из этого жизнеописания читатель узнает сколь труден и тернист был путь этого великого человека, сколько душевных и физических страданий ему пришлось перенести на жизненном пути. Это история большой любви — любви на всю жизнь к прекрасной Элоизе. Это история великого духовного труда и великого смирения!

УДК 82
ББК 87

ISBN 978-5-519-49592-9

© Книга по Требованию, оформление, 2016

Человеческие чувства часто сильнее возбуждаются или смягчаются примерами, чем словами. Поэтому после утешения в личной беседе, я решил написать тебе, отсутствующему, утешительное послание с изложением пережитых мною бедствий, чтобы, сравнивая с моими, ты признал свои собственные невзгоды или ничтожными, или незначительными и легче переносил их.

Я происхожу из местечка, расположенного в преддверии Бретани, как я думаю, милях в восьми к востоку от Нанта, и носящего название Пале. Одаренный от природы моей родины или по свойствам нашего рода восприимчивостью, я отличался способностями к научным занятиям. Отец мой до того, как я препоясался воинским поясом, получил некоторое образование. Поэтому и впоследствии он был преисполнен такой любовью к науке, что, прежде чем готовить каждого из своих сыновей к воинскому делу, позаботился дать им образование. Решение отца было, конечно, исполнено, а так как я в качестве первенца был его любимцем, то он тем сильнее старался тщательнее обучить меня.

Я же чем больше оказывал успехов в науке и чем легче они мне давались, тем более страстно привязывался к ним и был одержим такой, любовью к знанию, что, предоставив своим братьям наследство, преимущества моего первородства и блеск военной славы, совсем отрекся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы. Избрав оружие диалектических доводов среди остальных положений философии, я променял все прочие доспехи на эти и предпочел военным трофеям – победы, приобретаемые в диспутах. Поэтому, едва только я узнавал о процветании где-либо искусства диалектики и о людях, усердствующих в нем, как я переезжал, для участия в диспутах,

из одной провинции в другую, уподобляясь, таким образом, перипатетикам.

Наконец я прибыл в Париж, где эта отрасль познания уже давно и всемерно процветала, и пришел к Гильому из Шампо, действительно выдающемуся в то время магистру в этой области, который пользовался соответствующей славой. Он-то и стал моим наставником. Сначала я был принят им благосклонно, но затем стал ему в высшей степени неприятен, так как пытался опровергнуть некоторые из его положений, часто отваживался возражать ему и иногда побеждал его в спорах. Наиболее же выдающиеся из моих сотоварищей по школе весьма сильно вознегодовали на меня за это и тем сильнее, чем я был моложе их по возрасту и по курсу обучения. Здесь-то и начались мои бедствия, продолжающиеся поныне; чем шире распространялась обо мне слава, тем более воспламенялась ко мне зависть.

Возымев о самом себе высокое мнение, не соответствовавшее моему возрасту, я, будучи юношей, уже стремился стать во главе школы и даже наметил себе место, где я мог бы начать такую деятельность, а именно – в Мелёне, бывшем в то время значительным укрепленным пунктом и королевской резиденцией. Упомянутый мой учитель догадался об этом и постарался, насколько это было для него возможно, отдалить мою школу от своей. Он изобретал всевозможные тайные махинации, чтобы помешать открытию моей школы и, прежде чем я покину его, лишить меня избранного для нее места. Но так как некоторые из сильных мира сего относились к нему недружелюбно, то при их поддержке и содействии мне удалось добиться исполнения моего желания, а его явная зависть возбуждала у многих сочувствие ко мне.

С самого же начала моей преподавательской деятельности в школе молва о моем искусстве в области диалектики стала распространяться так широко, что начала понемногу меркнуть слава не только моих школьных сотоварищей, но и самого учителя. Вот почему, возмев еще более лестное мнение о своих способностях, я перенес свою школу в укрепленное местечко Корбейль по соседству с Парижем, чтобы получить возможность именно отсюда чаще нападать на своих противников в диспутах. Однако немного времени спустя, вследствие неумеренной страсти к научным занятиям, я подорвал свое здоровье и вынужден был возвратиться на родину. В течение нескольких лет я был как бы удален из Франции, зато меня еще ревностней ожидали все увлекавшиеся изучением диалектики.

Когда по прошествии нескольких лет я совсем оправился от болезни, мой бывший наставник Гильом, архидиакон Парижский, сменив свое прежнее одеяние, вступил в ряды уставных каноников, как передавали, с целью казаться благочестивее и тем скорее подняться на более высокую ступень духовного сана. Этого он в самом скором времени достиг, так как его сделали епископом Шалонским. Однако новое одеяние, [соответствующее его сану], не удалило его из Парижа и не отвлекло от привычных занятий философией: в том же самом монастыре, в который он удалился, дабы посвятить себя делу веры, он тотчас же, по своему обычаю, стал заниматься публичным преподаванием. Тогда я возвратился к нему, чтобы прослушать у него курс риторики, причем в ходе наших, неоднократно возникших споров я, весьма убедительно опровергнув его доводы, вынудил его самого изменить и даже отвергнуть его прежнее учение об универсалиях. Было же его учение об общих понятиях таково: он утверждал, что вещь, одна и та же по сущности, находится в своих

отдельных индивидуумах вся целиком и одновременно; последние же различаются [между собой] не по [своей] сущности, но только в силу многообразия акциденций. И это свое учение он исправил таким образом, что, наконец, сказал: одна вещь является тождественной [с другой] не по сущности, а в силу безразличия.

А ведь этот вопрос об универсалиях был у диалектиков всегда одним из важнейших, и он настолько труден, что даже Порфирий в своем «Введении», говоря об универсалиях, не решился определить их, заявив: «Это — дело чрезвычайной глубины». После того как Гильом изменил и даже был вынужден отвергнуть свое прежнее учение, к его лекциям начали относиться так пренебрежительно, что едва даже стали допускать его к преподаванию других разделов диалектики: как будто бы только в учении об универсалиях заключается, так сказать, вся суть этой науки. Поэтому мое учение приобрело такую силу и авторитет, что лица, наиболее усердно поддерживавшие раньше моего вышеназванного учителя и особенно сильно нападавшие на мое учение, теперь перешли в мою школу. Даже преемник моего учителя в парижской школе сам предложил мне свое место, чтобы вместе с остальными поучиться у меня там, где раньше процветал его и мой учитель.

Вскоре после того как обучение диалектике оказалось под моим руководством, наш бывший учитель начал столь сильно мучиться от зависти и огорчения, что это даже трудно выразить. Не имея сил долгие терпеть постигший его удар, он коварно стал искать возможность удалить меня из школы. Но так как у него не было предлога действовать против меня открыто, то Гильом решил предъявить позорнейшие обвинения человеку, передавшему мне руководство в школе и отнять ее у него, а на это место назначить моего противника. Тогда я возвратился в Мелён и снова, как прежде,

открыл там свою школу, и чем более явно он преследовал меня своей завистью, тем больше возрастал мой авторитет, согласно словам поэта:

*Высшее – зависти цель.
Бурям открыты вершины*

Однако немного позже, поняв, что почти все его ученики весьма сомневаются в его благочестивости и без конца перешептываются по поводу его вступления в клир, потому что он ни в какой степени не отказался от городской жизни, Гильом переехал сам и перевез немногочисленную братию и свою школу в некий удаленный от Парижа поселок. А я тотчас же возвратился из Мелёна в Париж, надеясь в конце концов обрести покой от его преследований. Но поскольку, как я уже заметил ранее, он сделал моим преемников моего противника, к раскинул свой школьный стан вне пределов Парижа – на горе св. Женевьевы, как бы намереваясь держать моего преемника в осаде. Услышав об этом, наш учитель без всякого зазрения совести немедленно возвратился в Париж и перевел остававшихся еще при нем учеников и братию в прежний монастырь, дабы освободить от моей осады того воина, которого он раньше покинул. В действительности же Гильом сильно повредил ему, хотя намеревался оказать ему помощь. В самом деле, раньше у моего преемника было хоть несколько учеников, интересовавшихся преимущественно его лекциями о Присциане, в изучении которого он считался особенно сильным. А после прибытия учителя мой преемник совершенно лишился всех своих учеников и был, таким образом, вынужден отказаться от руководства школой. Вскоре после того, вконец отчаявшись приобрести мирскую славу, он и сам постригся в монахи.

Ты, наверное, хорошо осведомлен о том, как часто спорили я и мои ученики с нашим бывшим учителем и его учениками после их возвращения в Париж и насколько был удачен для нас, а также и для меня самого исход этих битв. Скажу об этом смело словами Аякса, чтобы выразиться поскромнее:

*...Спросите ль вы об исходе
Битвы меня, то отвечу я вам: побежденным я не был.*

И даже если бы я умолчал об этом, то само дело гласит за себя, равно как и исход его.

Пока происходили все эти события, моя возлюбленная мать Люция вызвала меня к себе на родину. После пострижения моего отца Беренгария в монахи она намеревалась поступить так же. По исполнении этого обряда я возвратился во Францию, чтобы основательнее изучить богословие, в то время как часто упоминаемый наш учитель Гильом уже утвердился на престоле епископа Шалонского. Высшим же авторитетом в области богословия считался тогда его собственный учитель – Ансельм Ланский.

Итак, я пришел к этому старцу, который был обязан славой больше своей долголетней преподавательской деятельности, нежели своему уму или памяти. Если кто-нибудь приходил к нему с целью разрешить какое-нибудь свое недоумение, то уходил от него с еще большим недоумением. Правда, его слушатели им восхищались, но он казался ничтожным вопрошавшим его о чем-либо. Он изумительно владел речью, но она была крайне бедна содержанием и лишена мысли. Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом. Он был похож на дерево с листвой, которое издали представлялось величественным, но вблизи и при внимательном рассмотрении оказывалось бесплодным.

И вот, когда я подошел к этому дереву с целью собрать с него плоды, оказалось, что это проклятая господом смоковница или тот старый дуб, с которым сравнивает Помпей Лукан, говоря:

*... Встала великого имени тень –
Словно дуб высокий среди плодородного поля.*

Убедившись в этом на опыте, я недолго оставался в праздности под его сенью. Постепенно я стал приходить на его лекции все реже и реже, чем тяжело обидел некоторых выдающихся его учеников, так как им казалось, что я с презрением отношусь к столь великому учителю. Поэтому, тайно восстанавливая его против меня, они своими коварными наговорами внушили ему ненависть ко мне. Однажды после лекции мы, ученики, завели между собой шутливый разговор. И вот тогда кто-то, с намерением испытать, спросил меня, каково мое мнение о чтении священного писания, поскольку я изучал до того времени лишь светские предметы. Я ответил: изучение священного писания является крайне важным, ибо оно учит нас спасению души, но меня сильно удивляет, почему образованные люди считают недостаточным для понимания учения святых знание их подлинных сочинений или толкований и нуждаются при этом еще в чьем-либо руководстве.

Многие из присутствующих, смеясь, спросили меня, – смог ли бы я это выполнить и взялся ли бы я сам за такое дело? Я ответил, что, если они желают этого, я готов попытаться. Тогда с громкими восклицаниями и с еще более громким смехом они сказали: «Разумеется, мы этого желаем. Возьмите текст, который обычно не проходится в школах, и тогда мы посмотрим, как-то вы исполните ваше обещание». По общему согласию были избраны темнейшие пророчества Иезекииля. Итак,

взяв текст, я тотчас пригласил их на завтра же на лекцию. Они же, давая непрошенные советы, предлагали мне не спешить с такими важными вещами и говорили, что мне как человеку неопытному необходимо поработать подольше и основательно обдумать содержание лекции. Я с негодованием ответил, что в моем обычае разрешать вопросы, опираясь не на кропотливый труд, но на разум, и добавил, что я или совсем откажусь от своего намерения, или же они должны прийти на лекцию согласно моему желанию.

Разумеется, на эту первую мою лекцию собралось мало слушателей, так как всем казалась смешною мысль, что я, будучи совершенно неопытен в области богословия, так поспешно к нему приступаю. Однако эта лекция так понравилась всем присутствовавшим, что они стали отзываться о ней с исключительным одобрением и побуждали меня продолжать толкования в том же духе. Услышав об этом, отсутствовавшие на первой лекции чрезвычайно охотно явились на вторую и третью и стали усердно переписывать толкования, которые я давал с самого первого дня моих лекций. Вследствие этого названный выше старец стал терзаться жестокой завистью ко мне и, уже ранее (как упомянуто выше) восстановленный против меня некими наговорами, начал столь же сильно преследовать меня в области богословских вопросов, сколь раньше Гильом – в области философских.

В то время в школе этого старца были два ученика, считавшиеся лучшими среди прочих, а именно – Альберик из Реймса и Лотульф из Ломбардии. Оба они были высокого мнения о самих себе и тем более враждебно настроены по отношению ко мне. Главным образом под влиянием их наговоров (как это обнаружилось впоследствии) разгневанный старец весьма грубо запретил мне продолжать мои толкования